

К РЕКОНСТРУКЦИИ ОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ЗАМЫСЛА ЛЕРМОНТОВА

Алина Бодрова (Москва – Петербург)

В Записной книжке (ОР РНБ. Ф. 429. № 12), подаренной В. Ф. Одоевским Лермонтову¹ накануне его отъезда из Петербурга на Кавказ², в той ее части, где поэт вел черновую работу над своими последними стихотворениями, сохранились плохо читаемые карандашные наброски — на обеих страницах разворота л. 3 об. – 4:

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившийся ус,
Краснеет, как дева младая,
Капгар, молодой туксус³.

1
На бурке под тенью чинары
Лежал Ахмет Ибрагим,
И руки скрестивши, татары
Стояли молча пред ним.

2
И брови нахмутив густые,
Лениво молвил Ага:
О слуги мои удалые,
Мне ваша жизнь дорога!

3

---

¹ Так называемая «Записная книжка Одоевского» представляет собой толстую тетрадь в 8-ю долю листа (115×192 мм), в кожаном переплете-футляре. Согласно дарственной записи, эта тетрадь была подарена Лермонтову 13 апреля 1841 г.: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам, и всю исписанную. К<нязь> В. Одоевский, 1841. Апреля 13-е. С. П. Бург». Тетрадь заполнялась с обеих сторон — как от лицевой, так и от задней обложки: с лицевой стороны — это в основном чернильные беловики, в другой части — черновые карандашные наброски. В Записной книжке Одоевского находятся черновые и беловые автографы всех последних лермонтовских шедевров 1841 г.: «Спор», «Утес», «Сон», «Листок», «Выхожу один я на дорогу...», «Пророк» и др. После смерти Лермонтова Записная книжка попала в распоряжение его родственника Е. Е. Хастатова, который затем вернул ее Одоевскому в самом конце 1843 г. (ср. запись рукой Одоевского: «Сия книга покойного Лермонтова возвращена мне Екимом Екимовичем Хастатовым — 30-го декабря 1843-го года — К<нязь> В. Од<оевский>»). Краткое описание тетради см.: Ефремов 1873: I, 375–376; Михайлова 1941: 40–46; Арзамасцев 1984: 113–124.

² Получив 11 апреля предписание в 48 часов покинуть Петербург и отправиться в распоряжение своего Тенгинского пехотного полка, Лермонтов выехал из столицы рано утром 14 апреля 1841 г. (см.: Летопись 1964: 152–155).

³ Последняя строка четверостишия долго вызывала трудности прочтения не столько из-за неразборчивости почерка, сколько из-за скопления экзотизмов — ср. «Кангар, молодой...» (Лермонтов 1842–1844: IV, 192; Лермонтов 1847: I, 284; Лермонтов 1860: I, 424), «Кангар молодой туксус» (Ефремов 1873: I, 375; Ефремов 1880: I, 559–560; Ефремов 1882: I, 617; Ефремов 1887: I, 541; Висковатов 1889–1891: I, 346), «Капгар (?) молодой т...» (Абрамович 1910–1913: II, 416), «Капгар (?) молодой туксус» (Эйхенбаум, Халабаев 1926: 109). Значение этих слов тюркского происхождения было окончательно прояснено в специальной статье «Об одном стихе Лермонтова» лишь в 1923 г. (см.: Восток. 1923. Кн. 3. С. 181–182; подпись: Н. Л.; вероятно, второй инициал содержит опечатку, а автором заметки был выдающийся тюрколог Н. К. Дмитриев, сотрудничавший в журнале «Восток» и интересовавшийся обращениями русских поэтов к лексике тюркских языков, см., например, его статью «Несколько турецких слов в записи Пушкина» — Дмитриев 1934). «Капгар» — ‘черноволосый, брюнет’ (впервые сходную расшифровку: «кап-кара — очень черный» — предложил В. Д. Смирнов, чье мнение было приведено в комментариях к изданию под редакцией А. И. Введенского — см.: Введенский 1891: II, 363; ср. также: Восток. 1923. Кн. 3. С. 181–182). «Туксус» — ‘отрок, безбородый юноша’, в том числе о юношах, содержащихся в гаремах, наряду с девушками-наложницами; «наперсник в специфически-восточном смысле» (Восток. 1923. Кн. 3. С. 181–182).

На л. 4 работа не двинулась дальше двух четверостиший — обозначенная номером третья строфа записана не была. Не сразу сложилась и строфа, набросанная на другой стороне разворота — л. 3 об. Сначала Лермонтов записал ее в таком виде:

Краснеет, как дева молодая,
Капгар, молодой туксус.
Лилейной рукой поправляя
Едва пробившийся ус, —

а затем цифрами обозначил переменную двустихий. Сколько можно судить по Записной книжке и другим сохранившимся автографам Лермонтова, поэт не успел обработать эти наброски, оставив читателям и исследователям простор для реконструкции нереализованного замысла, особенно любопытного как один из последних литературных планов безвременного погибшего поэта.

Особый статус стихотворений из Записной книжки Одоевского, очевидно, обусловил раннюю публикацию неотделанных набросков, которая состоялась уже в начале 1844 г. на страницах «Отечественных записок» (1844. Т. 32. № 2. Отд. 1. С. 200–201). Печатаемая в своем журнале стихотворения «Пророк» и «Свидание» — последние еще не опубликованные тексты из Записной книжки Одоевского⁴ — Краевский сопроводил их следующим примечанием:

Оба эти стихотворения <<Пророк» и «Свидание»> достались нам следующим образом. Один из петербургских литераторов, в апреле 1841-го года, перед *последним* отъездом Лермонтова из Петербурга, подарил ему записную книгу с белыми листами <...> Так как на книге поставлено было и имя того, кто подарил ее, то один из родственников покойного недавно доставил ее по принадлежности⁵. Книга исписана карандашом и чернилами <...> Это, следовательно, *последние* стихотворения Лермонтова, писанные им в последние месяцы его жизни <...> В книге есть еще какой-то отрывок, писанный карандашом:

1

На бурке, под тенью чинары
Лежал Ахмет-Ибрагим;
И, руки скрестивши, Татары
Стояли молча перед <так!> ним.

2

И брови нахмурил густые,
Лениво молвил ага:
О слуги мои удалые!
Мне ваша жизнь дорога...

— и только. Рядом с этой страницей есть еще куплет; но карандаш так стерся, что из четырех стихов можно разобрать только:

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившийся ус,
Краснеет, как дева молодая,

⁴ Большая часть стихотворений из Записной книжки Одоевского попала в распоряжение Краевского еще в феврале 1843 г. благодаря посредничеству В. П. Боткина, который, посылая ему ряд неизвестных текстов Лермонтова, сообщал: «Вот как дошли до меня эти стихотворения. Знакомый Грановского Головачев был в одном обществе. Зашел разговор о Лермонтове. Бывший тут полковник (Челищев) начал говорить о нем с большим участием, как о человеке, с которым он провел несколько лет на Кавказе, и говоря о его предчувствии смерти, прочел наизусть С о н . Головачев попросил его позволить ему списать это стихотворение. „Да у меня есть несколько его стихотворений: я их списал из тетради, которую мне давал сам Лермонтов“. Головачев на другой же день поехал к полковнику и между многими уже известными стихотворениями отыскал неизвестные, списал их и привез их прочесть Грановскому. Он дал их мне, а я спешу послать их Вам» (см.: Боткин 1893: 60; Мануйлов 1948: 380–382). В 4-й книжке «Отечественных записок» 1843 г. были опубликованы «Утес», «Сон», «Тамара», «Выхожу один я на дорогу» (Отечественные записки. Т. 27. № 4. Отд. 1. С. 183, 193–194, 331–332), в 5-м номере журнала Краевского — «Морская царевна», «Листок», «Нет, не тебя так пылко я люблю...» (Там же. Т. 28. № 5. Отд. 1. С. 1–2, 193–194).

⁵ См. выше, примеч. 1.

Кангар, молодой...

<...> Вообще, вся эта книга навеивает на душу неизъяснимо-грустное чувство: как будто еще жив поэт, как будто еще видишь перед собою вчерне работу его и ждешь ее окончания, как бывало в иное время.

(Отечественные записки. 1844. Т. 32. № 2. Отд. 1. С. 200–201;
ср. также: Лермонтов 1842–1844: IV, 189–192)

Из процитированного описания не вполне ясно, считали ли публикаторы, что все эти карандашные наброски принадлежат к единому замыслу. Формулировку «*есть еще куплет*» можно интерпретировать и как простое указание на расположение набросков на развороте листа, и как сообщение о продолжении строф («куплетов»), начатых на соседней странице. Эта неоднозначность, как кажется, отразилась в публикаторском решении следующего — смирдинского — издания сочинений Лермонтова (Лермонтов 1847: I, 284), где все три строфы были напечатаны в основном корпусе — как одно произведение, но под заглавием «Из записной книги недоконченны~~е~~ стихотворения»: сначала шли нумерованные две строфы («На бурке, под тенью чинары... ~ Мне ваша жизнь дорога»), а вслед за ними, после графического знака отбивки, была помещена строфа «Лилейной рукой поправляя...» (в таком виде стихотворение перепечатывалось в переизданиях 1850-х гг.: Лермонтов 1852: I, 281–282; Лермонтов 1856: I, 281–282). Единым текстом считал эти наброски А. В. Дружинин, который, впрочем, выражал сильные сомнения в том, что это лермонтовское произведение вообще стоило публиковать:

Признаюсь откровенно, если дело идет и о действительно знаменитом писателе, меня не всегда радует тщательность, с которою друзья его и наследники спешат поделиться с публикою каждым клочком его письма, каким-нибудь отрывком неконченных его стихотворений. Русская литература ровно ничего бы не потеряла, если б друзья Лермонтова не печатали его стихотворений в таком роде: — На бурке, под тенью чинары, / Лежал Ага Ибрагим, / И руки скрестивши, Татары, / Стояли молча перед ним. / ..... / Лилейной рукой поправляя / Едва пробившийся ус, / Краснеет, как дева младая / Кангар молодой... (и тут *стихотворение* оканчивается).

(Современник. 1849. Т. 15. № 6. Отд. 5. С. 221; курсив мой. — А. Б.).

Вероятно, не без учета подобного рода эстетических соображений, С. С. Дудышкин не стал вводить эти наброски в основной корпус подготовленного им издания, а перепечатал их в примечаниях, где, комментируя стихотворения из Записной книжки Одоевского, просто процитировал редакторскую заметку Краевского из «Отечественных записок», включавшую тексты трех строф (Лермонтов 1860: I, 424; ср. также Лермонтов 1863: I, 481).

Новый этап в текстологической судьбе обсуждаемых набросков ожидаемо начался с первыми научными изданиями Лермонтова. В примечаниях к изданию 1873 г., «вновь сверенному с рукописями, исправленному и дополненному», П. А. Ефремов поместил подробное полистное описание Записной книжки Одоевского, в составе которого были приведены и уточненные по рукописи тексты набросков. В соответствии с порядком следования текстов в тетради первой была помещена строфа «Лилейной рукой поправляя...», а затем нумерованные строфы «На бурке, под тенью чинары... ~ Мне ваша жизнь дорога!» (Ефремов 1873: I, 375; так же в изданиях: Ефремов 1880: I, 559–560; Ефремов 1882: I, 617; Ефремов 1887: I, 541; Висковатов 1889–1891: I, 346).

В основной корпус стихотворений наброски были вновь возвращены в издании под редакцией А. И. Введенского (Введенский 1891: I, 275), где они были напечатаны под заглавием «Отрывки» и уже в той последовательности, как они помещались в изданиях Ефремова и Висковатова: под номером I шла строфа «Лилейной рукой поправляя...», под номером II — строфы «На бурке, под тенью чинары... ~ Мне ваша жизнь дорога!» (без нумерации четверостиший, имевшейся в автографе).

Тенденцию к автономизации отрывков и сохранению полистного порядка следования текстов в Записной книжке Одоевского поддержало дореволюционное Академическое издание под редакцией Д. И. Абрамовича, напечатавшего комментируемые строфы в особом разделе «Отрывки и наброски М. Ю. Лермонтова» под отдельными номерами: 5. «Лилейной рукой поправляя...»; 6. «На бурке, под тенью чинары... ~ Мне ваша жизнь дорога!..» (Абрамович 1910–1913: II, 416). Затем по тому же пути пошли и советские издания, начиная с однотомника под редакцией Б. М. Эйхенбаума и К. И. Халабаева, где строфа «Лилейной рукой поправляя...» была помещена в качестве самостоятельного фрагмента, как и две строфы об «Ахмет-Ибрагиме» (см.: Эйхенбаум, Халабаев 1926: 109; Эйхенбаум, Халабаев 1931: 137). Такое текстологическое решение — печатать наброски по отдельности, в порядке их постраничной записи — было затем канонизировано 5-томником под редакцией Эйхенбаума (Лермонтов 1935–1937: II, 128–129) и 6-томным академическим изданием 1954–1957 гг. (Лермонтов 1954–1957: II, 199–200) и до сегодняшнего дня не пересматривалось.

Более того, явная соотнесенность набросков не оговаривалась даже в комментариях. В трех наиболее авторитетных на сегодняшний день лермонтовских изданиях — Лермонтов 1935–1937, Лермонтов 1954–1957, Лермонтов 1979–1981 — помимо примерной датировки, сообщалось лишь, что оба наброска представляют собой «начало задуманного стихотворения» (Лермонтов 1935–1937: II, 252–253; ср. более позднюю формулировку – «является началом стихотворения»: Лермонтов 1954–1957: II, 361) или что оба «стихотворени[я] не закончен[ы]» (Лермонтов 1979–1981: I, 616). Впечатляющей осторожностью отличались и формулировки «Лермонтовской энциклопедии», где в статье о «Лилейной рукой поправляя...» наконец была отмечена связь этого наброска с «На бурке, под тенью чинары...»:

...очевидно, набросок для более крупного произведения. В автографе за ним следует набросок “На бурке, под тенью чинары...”, написанный тем же размером и явно связанный с первым по содержанию. <...> Вероятно, в данном случае перед нами черновая заготовка к балладе (или балладам).

(ЛЭ 1981: 255; статья Л. М. Аринштейна⁶)

Сложившая текстологическая и комментаторская традиция не может не вызывать вопросов, учитывая, что со времени ранних публикаций (когда три строфы печатались как единый замысел) не было предъявлено никаких новых аргументов в пользу необходимости «автономизации» строф и изменения порядка их следования. Фактически решения всех последних изданий просто воспроизводили расположение текстов в Записной книжке — при этом во внимание не принимались ни формально-содержательный анализ рассматриваемых отрывков, ни даже последовательность заполнения тетради, подаренной Одоевским. Между тем обращение к этому, отчасти обсуждавшемуся в литературе материалу позволяет высказать предположение о статусе набросков (единый замысел или два разных?) и восстановить их текстологическую историю (что является начальным фрагментом?).

Исследователи стиха Лермонтова давно и не раз обращали внимание на экзотическую — даже при известной склонности Лермонтова к стиховым экспериментам — метрику отрывков об «Ахмет-Ибрагиме» и «молодом туксусе». Все три строфы написаны трехиктным дольником (Пейсахович 1964: 446), метром исключительно редким для поэзии 1830-х – начала 1840-х гг., массовое освоение которого произойдет уже в следующую эпоху (см.: Гаспаров 2000: 129–131). Более того, Лермонтов последовательно — как в строфах «На бурке, под тенью чинары...», так и в строфе «Лилейной рукой поправляя...» — выдерживает определенный

⁶ Ср. сходный и, видимо восходящий к «Лермонтовской энциклопедии» комментарий Э. Э. Найдича в издании «Библиотеки поэта»: «Начало стихотворения <“На бурке, под тенью чинары...”> связано с предыдущим по содержанию, размеру, рифмовке» (Лермонтов 1989: II, 624).

ритмический рисунок: «“настоящи[e]” дольник[и], которые составляют четные пары стихов, <...> чередуются с нечетными “правильными” трехстопными амфибрахическими стихами» (Пейсахович 1964: 446)⁷.

Эта метрическая общность набросков, при маргинальности избранного метра, представляется самым существенным аргументом в пользу единства их замысла — потому что исключительно трудно предполагать, что Лермонтов собирался писать *два разных* стихотворения на восточную тему *одним и тем же* экзотическим размером. По всей видимости, перед нами — как уже отмечалось — начальные фрагменты «восточной» баллады или сюжетного стихотворения (ср. «Свиданье», записанное через несколько листов в той же тетради Одоевского), которое, очевидно, должно было открываться нумерованными строфами: «1. На бурке, под тенью чинары <...> 2. И брови нахмурил густые...».

Очень вероятно, что и запись текста в тетради Одоевского началась именно с этих строф, вопреки прямой последовательности листов в «черновой» части Записной книжки, заполнявшейся от задней обложки. Обращение ко всему комплексу черновых записей в тетради Одоевского показывает, что Лермонтов неоднократно начинал заполнять новый разворот с *правой* страницы, на которой удобнее писать из-за расположения основного тетрадного блока. Так, первый текст, вписанный в эту часть тетради, — карандашный черновик «Утеса» был начат с правой стороны разворота — на л. 2. Точно так же велась работа и на следующих за комментируемыми набросками (л. 3 об. – 4) листах: черновик стихотворения «В полдневный жар, в долине Дагестана...» – тоже был начат справа, на л. 5, а л. 4 об. так и остался незаполненным (ср.: Михайлова 1941: 43; Арзамасцев 1984: 117). Исходя из этого можно предположить, что и на развороте л. 3 об. – 4 работа была начата не слева, а *справа* – на л. 4, с записи двух практически сразу обдуманных четверостиший «На бурке, под тенью чинары... ~ Мне ваша жизнь дорога!». Не сумев сразу записать третье четверостишие, Лермонтов мог сделать следующую — черновую — запись на соседнем листе, рассчитывая затем перенести уже отделанную новую строфу на л. 4.

В пользу явно «зачинного» характера строф «На бурке, под тенью чинары... ~ Мне ваша жизнь дорога!» говорят и их структурно-содержательные особенности. Изображение повелителя (царя, хана, князя, императора и т. д.), находящегося (восседающего, возлежащего, стоящего и т. д.) в окружении своих слуг, к которым он обращается с повелением, приказом, вопрошанием и т. д., — характерная экспозиция романтической поэмы и/или баллады, памятная по ключевым образцам жанра, таким как «Граф Гапсбургский» или «Перчатка» Шиллера–Жуковского (в 1829 г. «Перчатку» перевел и молодой Лермонтов), а также «Абидосская невеста» Дж. Г. Байрона и пушкинский «Бахчисарайский фонтан»:

Торжественным Ахен весельем шумел;
В старинных чертогах, на *пире*
Рудольф, император избранный, сидел
В сиянье венца и в порфире.
<...>
Кругом возвышался *богатый балкон,*
Ликующим полный народом;

⁷ Первые две строфы «На бурке, под тенью чинары... ~ Мне ваша жизнь дорога!» отличаются еще большей ритмической упорядоченностью – в «дольниковых» нечетных строфах неравносложные интервалы занимают устойчивое место в строке (U/ UU/ UU/ U// U/ U/ UU/), что позволяет говорить об них как о логазде (см.: ЛЭ 1981: 544; раздел «Метрика» (автор — К. Д. Вишневский) статьи «Стихосложение»). В строфе «Лилейной рукой поправляя...» из этого ритма выбивается последняя строка «Капгар, молодой туксус» (U/U U/ U/), не противоречащая, однако, ни схеме трехиктного дольника, ни ритмическому рисунку, отмеченному Пейсаховичем для «На бурке, под тенью чинары...» («правильный» амфибрахий в нечетных строках и «правильный» дольник в четных). Учитывая черновой характер текста, это ритмическое отклонение не представляется весомым аргументом для противопоставления строфы о «молодом туксусе» первым двум четверостишиям.

<...>

И кесарь, наполнив бокал золотой,
С приветливым взором вещает...
(В. А. Жуковский, «Граф Гапсбургский», 1818;
Жуковский 1959: II, 142)

Вельможы толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне:
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.

Вот царскому знаку внимают...
(Лермонтов, «Перчатка (Из Шиллера)», 1829;
Лермонтов 1935–1937: I, 61)⁸

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
<...>
За королем, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.

Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь...
(В. А. Жуковский, «Перчатка», 1831;
Жуковский 1959: II, 282)

Собрав диван, *Яфар седой*
Сидел угрюмо. Вкруг стояли
Рабы готовою толпой
И стражей быть и мчаться в бой.
Но думы мрачные летали
Над престарелою главой.
<...>
«Оставьте нас!» — Идут толпою.
«Гаруна верного ко мне!»
И вот, Яфар наедине
Остался с сыном.
(Дж. Г. Байрон, «Абидосская невеста»,
перевод И. И. Козлова, 1826; Козлов 1960: 333)

Гирей сидел потупя взор;
Янтарь в устах его дымился;
Безмолвно раболепный двор
Вкруг хана грозного теснился.
Всё было тихо во дворце;
Благоговевя, все читали
Приметы гнева и печали
На сумрачном его лице.
Но повелитель горделивый
Махнул рукой нетерпеливой:
И все, склонившись, идут вон.
(А. С. Пушкин, «Бахчисарайский фонтан», 1824;
Пушкин 1937–1959: IV, 155)

Ср. тот же тип экспозиции в знаменитой лермонтовской «Песни про... купца Калашникова» (1838):

...за трапезой сидит во златом венце,

⁸ Отметим неклассический метр лермонтовского перевода — с использованием строк, написанных тем же трехиктным дольником, что и в рассматриваемых отрывках.

*Сидит грозный царь Иван Васильевич,
Позади его стоят стольники,
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
<...>
Улыбаясь царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
(Лермонтов 1935–1937: III, 315–316;
курсив везде мой. — А. Б.)*

Нередкая черта тех же зачинных зарисовок — выделение в толпе одного, обычного молодого героя (своего рода переход от общей панорамы к «крупному плану») или его внезапное появление перед властителем (ср. выход певца в «Графе Гапсбургском», обращение царя к Кирибеевичу в «Песни про... купца Калашникова», призыв Гаруна в «Абидосской невесте» и т. д.), и в этом отношении строфа о «молодом туксусе» представляется вполне логичным продолжением намеченного сюжетного движения.

Более того, можно даже предполагать источник, на который Лермонтов мог ориентироваться в намеченном стихотворном замысле, — это повесть А. А. Бестужева-Марлинского «Муллы Нура» (1836; впервые опубл.: Библиотека для чтения. 1836. Т. 17. № 7. Отд. 1. С. 17–190 (гл. I–X); Сто русских литераторов. Т. 1. СПб., 1839. С. 141–158 (Заключение); см. также: Марлинский 1838; Марлинский 1840), написанная на «экзотическом» кавказском материале и неоднократно упоминавшаяся в комментариях к строфе «Лилейной рукой поправляя...» в связи с объяснением слова «туксус», которое также было употреблено Марлинским в одной из сцен «Муллы Нура». Из экспозиции бестужевской повести Лермонтов, однако, мог почерпнуть не только этот варваризм, но и ряд других деталей, отозвавшихся, как кажется, в первых двух строфах об «Ахмет-Ибрагиме».

История «Муллы Нура» начинается с рассказа о мучительной засухе в Дербенде, которая грозит неурожаем и разорением всему городу. Когда ни молитвы, ни языческие заклинания не приносят результата, один из уважаемых старейшин («агамир») напоминает о том спасении, которое заповедовали «деды и отцы» — Аллах может смилостивиться и послать дождь, если жители Дербенда искренне покаются в грехах, а избранный ими «чистый душой и телом юноша», принесет с «выси гор», «с темени Шах-дага», не ставя на землю, кувшин снега и выльет растаявший снег в море:

...двор главный Дербендской мечети кипел народом. Вкруг иссохшего водоема, *под тенью чинаров*, на галлерее, еще блестящей зеркалами, парчами, золотошвейными занавесками, знаменами с надписью из Корана, толпы притекали и утекали. <...> Промежду длинными бородами из второго круга, и то с великим подбострастием, осмеливались просовывать носы свои *тюкли*, то есть полубороды, молодые люди уже с усами, но еще без речей <...> *Тюксюсы, или безбородые, отроки или юноши от десяти до семнадцати лет, бродили поодаль*, не имея права мешаться не только в важные дела, но даже просто в разговоры со старшими. <...> *Вот наконец возвысил речь один агамир*, муж святой по наследству <...> Отцы и деды наши в истому засухи выбирали <...> чистого душой и телом юношу, и посылали его со своей молитвой к Аллаху ближе, на высь гор. <...> Дербендцы крепко затруднились, когда дело дошло до выбора <...> Этот слишком молод, чтоб мог назваться невинным; этот чересчур смышлен, чтобы невинным быть. <...> Спор и перебор этот делал мало чести невинности Дербендцев, по крайней мере много чести их совести. — Взять бы Сафар-Кули, говорили иные. *Он стыдлив словно красная девушка*, да та беда, что недавно обесчестили у него коня, отрубил какой-то разбойник хвост, и это верно не даром!..

(Марлинский 1838: 23, 25, 26, 32, 35, 36; курсив мой. — А. Б.)

При всех очевидных отличиях иронично-остраненного, «орнаментального» повествования Бестужева от лаконичной зарисовки лермонтовских набросков, в нем просматривается сходный набор тех же структурных элементов: описание собравшейся

на дворе мечети, *под тенью чинар*, пестрой толпы⁹, среди которой различимы «*молодые туксусы*», поданный крупным планом старейшина-агамир (ср. «молвил Ага»), радеющий о спасении жителей города (ср. слова Ахмет-Ибрагима «Мне ваша жизнь дорога...»), которые могут быть интерпретированы в сходном ключе), мотив юного героя, который так или иначе выделяется среди окружающих, и, наконец, упоминание о юноше, «стыдливом *словно красная девушка*» (ср. «Краснеет, как дева младая...»). Мотивная и словесная связь всех трех черновых строф Лермонтова с фрагментом бестужевской повести представляется еще одним, косвенным аргументом в пользу их сюжетной общности.

Таким образом, наиболее адекватным текстологическим решением для этих набросков кажется их представление в качестве единого, пусть и не получившего законченного воплощения замысла, открывавшегося двумя строфами об «Ахмет-Ибрагиме» и продолженного ненумерованной черновой строфой о «молодом туксусе»¹⁰:

1

На бурке под тенью чинары
Лежал Ахмет Ибрагим,
И руки скрестивши, татары
Стояли молча пред ним.

2

И брови нахмутив густые,
Лениво молвил Ага:
О слуги мои удалые,
Мне ваша жизнь дорога!

3

.....
Лилейной рукой поправляя
Едва пробившийся ус,
Краснеет, как дева младая,
Капгар, молодой туксус.
.....

Учитывая незавершенный характер этого текста, предпочтительным представляется его расположение не в основном корпусе, среди отделанных, беловых текстов из той же Записной книжки Одоевского, а в разделе «Неоконченное» / «Стихотворения, оставшиеся в черновиках и набросках», если таковой будет предусмотрен структурой нового собрания сочинений Лермонтова, необходимость которого очевидна даже на примере рассмотренных отрывков.

---

⁹ Как и Лермонтов, Бестужев-Марлинский довольно свободно и условно пользуется именованием «татары» применительно к различным народностям Кавказа, а также определением «татарский язык» для обозначения различных тюркских (прежде всего азербайджанского) и не тюркских языков. О героях «Муллы Нура» Бестужев не раз говорит как о татарах («...имя Кичкене показывалось ему <Искендербеку, одному из главных героев повести> во сто раз сладкозвучнее Лейлы. Надо признаться, татары плохие знатоки эвфонии» [Марлинский 1838: 70]), «татарами» прямо названы жители Дербенда [Там же: 15]. См. также: ЛЭ 1981: 564–565 («Татарский» язык», статья Л. М. Аринштейна).

¹⁰ По всей вероятности, «крупный план» в четверостишии о «молодом туксусе» должен был быть подготовлен «связующими» строфами или строфой, мотивировавшими переход от повествования в прошедшем времени в начальных строфах (ср. «лежал», «стояли», «молвил») к описательному настоящему во фрагменте о «молодом туксусе». Остается только гадать, был ли «капгар» задуман как единственный герой, поданный крупным планом, или же Лермонтов предполагал развернуть панораму, серию лиц, — но этот повествовательный пропуск с очевидностью необходимо обозначить при публикации текста.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Абрамович 1910–1913 — Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова / Под ред. и с примеч. Д. И. Абрамовича. Т. 1–5. СПб., 1910–1913 (Академическая Библиотека русских писателей. Вып. 2).
- Арзамасцев 1984 — *Арзамасцев В. П.* «Звук высоких ощущений...»: Новое о Лермонтове. Саратов; Пенза, 1984.
- Боткин 1893 — *Боткин В. П.* Письма к А. А. Краевскому // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1889 г. СПб., 1893. С. 32–109 (2-я паг.).
- Введенский 1891 — Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова / Под ред. А. И. Введенского. Т. 1–4. СПб., 1891.
- Висковатов 1889–1891 — Сочинения М. Ю. Лермонтова. Первое полное издание / Под ред. П. А. Висковатова. Т. 1–6. М. 1889–1891.
- Гаспаров 2000 — *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд., доп. М., 2000.
- Дмитриев 1934 — *Дмитриев Н.* Несколько турецких слов в записи Пушкина // Литературное наследство. Т. 16/18: [Александр Пушкин]. М., 1934. С. 319–320.
- Ефремов 1873 — Сочинения Лермонтова. 3-е изд., вновь сверенное с рукоп., испр. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова. Т. 1–2. СПб., 1873.
- Ефремов 1880 — Сочинения Лермонтова. 4-е изд., вновь сверенное с рукоп., испр. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова. Т. 1–2. СПб., 1880.
- Ефремов 1882 — Сочинения Лермонтова. 5-е изд., испр. / Под ред. П. А. Ефремова. Т. 1–2. СПб., 1882.
- Ефремов 1887 — Сочинения Лермонтова. 6-е изд., вновь испр. / Под ред. П. А. Ефремова. Т. 1–2. СПб., 1887.
- Жуковский 1959 — *Жуковский В. А.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2: Баллады, поэмы и повести. М.; Л., 1959.
- Козлов 1960 — *Козлов И. И.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. И. Д. Гликмана. Л., 1960 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).
- Лермонтов 1842–1844 — Стихотворения М. Лермонтова. Ч. 1–4. Спб., 1842–1844.
- Лермонтов 1847 — Сочинения Лермонтова. Изд. Александра Смирдина. Т. 1–2. Спб., 1847 (Полное собрание сочинений русских авторов).
- Лермонтов 1852 — Сочинения Лермонтова. 3-е изд. Т. 1–2. СПб., 1852.
- Лермонтов 1856 — Сочинения Лермонтова. 4-е изд., доп. несколькими стихотв., не помещенными в прежних изд. Т. 1–2. СПб., 1856.
- Лермонтов 1860 — Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок и дополненные С. С. Дудышкиным. Т. 1–2. Спб., 1860.
- Лермонтов 1863 — Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок С. С. Дудышкиным. 2-е изд., сверенное с рукописями, испр. и доп. Т. 1–2. Спб., 1863.
- Лермонтов 1935–1937 — *Лермонтов М. Ю.* Полное собрание сочинений: В 5 т. / Ред. текста, коммент. и предисл. Б. М. Эйхенбаума; подгот. текстов Б. М. Эйхенбаума, К. И. Халабаева. М.; Л., 1935–1937.
- Лермонтов 1954–1957 — *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: В 6 т. / Ред. Н. Ф. Бельчиков, Б. П. Городецкий, Б. В. Томашевский. М.; Л., 1954–1957.
- Лермонтов 1979–1981 — *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений: В 4 т. / [Ред. коллегия: В. А. Мануйлов (отв. ред.) и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1979–1981.

- Лермонтов 1989 – *Лермонтов М. Ю.* Полное собрание стихотворений: В 2 т. / Сост., подгот. текста и примеч. Э. Э. Найдича. Л., 1989 (Библиотека поэта. Большая сер. 3-е изд.).
- Летопись 1964 – *Мануйлов В. А.* Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.; Л., 1964.
- ЛЭ 1981 – Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981.
- Мануйлов 1948 – *Мануйлов В.* Лермонтов и Краевский // Литературное наследство; Т. 45/46: М. Ю. Лермонтов. М., 1948. Кн. II. С. 363–388.
- Марлинский 1838 – [*Бестужев А. А.*] Полное собрание сочинений А. Марлинского. Ч. 9. Кавказские очерки. СПб., 1838.
- Марлинский 1840 – [*Бестужев А. А.*] Полное собрание сочинений А. Марлинского. Ч. 9. Кавказские очерки. СПб., 1840.
- Михайлова 1941 – *Михайлова А. Н.* Рукописи М. Ю. Лермонтова. Описание / Под ред. Б. М. Эйхенбаума. Л., 1941.
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
- Пейсахович 1964 – *Пейсахович М.* Строфика Лермонтова // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения (1814–1964). М., 1964. С. 417–491.
- Пушкин 1937–1959 – *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. М.; Л., 1937–1959.
- Эйхенбаум, Халабаев 1926 – *Лермонтов М. Ю.* Полное собрание сочинений / Ред. К. Халабаев, Б. Эйхенбаум. М.; Л., 1926.
- Эйхенбаум, Халабаев 1931 – *Лермонтов М. Ю.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. / Ред. К. Халабаев, Б. Эйхенбаум. М.; Л., 1931.